

Документальность и вымысел в хорватском путевом очерке первой половины XIX в.

Путешествие (травелог, путевые заметки) можно назвать литературным метажанром, в основе которого лежит описание путешественником достоверных сведений о каких-либо землях, странах, народах в форме заметок, дневников, очерков, мемуаров. В зависимости от намерений автора травелога, помимо собственно познавательных, зачастую решают дополнительные задачи — эстетические, политические, публицистические, философские, научно-исследовательские, которые подчас выступают на первый план. Некоторые исследователи относят путевой очерк к наиболее ранним формам журналистики. Формирование и развитие этой литературы отличает сложное взаимодействие документального и художественного начал, объединенных образом путешествующего героя (рассказчика), а точнее, сложные отношения литературы путешествия с категорией художественности, которая в разной степени может в ней проявляться. Таким образом, познавательные цели постулируются в путевом очерке как основные, а эстетические, политические, публицистические, философские — как дополнительные, не обязательные, однако в действительности они часто оказываются для автора не менее важными.

На протяжении веков свои путешествия описывали мореплаватели, паломники, шпионы, миссионеры, уче-

ные, солдаты, дипломаты и, конечно, писатели, то есть люди с очень разными литературными способностями. Однако вплоть до рубежа XVIII–XIX вв. читатель не оценивал литературу путешествий как собственно литературу — скорее как источник информации об отдельных странах, народах и их обычаях. Даже в XIX в. создаваемые знаменитыми писателями путевые заметки (например, «Итальянское путешествие» И.В. Гете, 1816–1829) на протяжении долгого времени воспринимались лишь как источники знаний о стране, о биографии писателя, но не как собственно литература.

Не была исключением и хорватская традиция травелога, в котором читатель искал сведения о жизни и обычаях других народов, что интересовало прежде всего интеллектуалов, философов, политиков и др. Поэтому, чтобы отвечать читательским ожиданиям того времени, тексты должны были быть написаны живо и интересно, но беспристрастно и без тени вымысла. Так возник тип научного травелога, написанного в форме трактата для кругов, близких к власти. Ярким примером тому служат заметки об Албании и Черногории (1614) Марияна Болицы — венецианского аристократа хорватского происхождения, писавшего на итальянском языке (подробнее см. [Pederin 2007]).

Вопрос о принадлежности М. Болицы хорватской литературной и культурной традиции остается открытым, но уже в эпоху Просвещения появляются авторы, которые пишут на хорватском языке с осознанием своей принадлежности к хорватской культуре. Таким писателем становится Яков Плетикоса, создатель «Путешествия в Иерусалим» („Putovanje k Jerozolimu“, 1752). Текст этого произведения стал значительным памятником хорватского языка середины XVIII в. В нем можно найти разнообразные термины из области кораблестроения, сельского хозяйства, ремесел, права, теологии, ставшие доказательством богатства и лексического разнообразия хорватско-

го языка того времени. Однако этот текст интересен и в качестве литературного памятника. Задача автора «Путешествия в Иерусалим» заключалась в том, чтобы как можно точнее и детальнее описать увиденное — например, в тексте читатель встречается топографически весьма точное описание Святой Земли. Парадокс этого произведения в том, что автор — крайне верующий человек, не позволяет себе ни одного описания чуда или упоминания апокрифических легенд; изображение мест, святых для каждого христианина, дано крайне сухо, ничто не пробуждает воображения читателя, как будто исключительно рельеф местности, планировка города и расположение строений относительно друг друга и являются для него главным предметом интереса. Рамки жанра, какими понимал их путешественник, оказались в данном случае сильнее даже религиозного восторга.

Не удивительно, что исследователи хорватского путевого очерка [Duda 1998; Ježić 1995; Pederin 2007; Franić 1983] не относят этот текст к литературе и приводят его исключительно в качестве примера тяги и готовности хорватского языка того периода к усвоению и развитию научной терминологии. Самым известным последователем Плетикосы стал Иван Ловрич, описавший путешествие по Далмации на итальянском языке. В центре его внимания находятся край и его жители, в то время как авторское «я» полностью отступает на второй план.

В XVIII–XIX вв. в рамках литературных направлений и школ в европейских литературах складывается жанр писательского путевого очерка*. Для Хорватии первая половина XIX в. была крайне динамичным временем как в политическом, экономическом, так и в культурном и литературном смысле — периодом, когда создавалась хорватская литература Нового времени. В данной статье мы ставим перед собой задачу проследить пути развития

* Подробнее об этом см. [Franić 1983; D'Agostini 1987; Ježić 1995; Keleković-Polovina 1995; Brešić 1996; 1996a; 2001; Duda 1998; 2012; Pederin 1979; 2007].

травелога в хорватской литературе XIX в. и определить значение и соотношение документального элемента и вымысла в произведениях хорватских авторов.

Со второй половины XVIII в. уже можно говорить о тематических изменениях или, по крайней мере, смещении акцентов в хорватской литературе о путешествиях. В это время в центре внимания читателей зачастую оказывается не город, его администрация и архитектура, а природа. Но не менее важно с точки зрения жанра и его последующего развития то, что в травелог эпохи Просвещения, несмотря на его практическую ориентацию, проникает все больше элементов художественности, хотя собственно ориентации на художественность и внешнюю (изобразительную) сторону повествования в нем пока нет. Так, например, известный хорватский ученый Руджер Йосип Бошкович (1711–1787) — физик, математик и астроном, стал автором путевого дневника, в котором он не только не пытается замаскировать свою личность и сделать текст как можно более нейтральным, а наоборот, смело высказывает собственные взгляды и отношение к увиденному, вкусы и пристрастия Бошковича не остаются тайной для читателя.

Хорватский путевой очерк эпохи Просвещения создавался, как правило, на итальянском и латинском языках, был адресован венецианскому, венскому и даже португальскому двору. На хорватском языке сохранился лишь один текст, это уже упомянутое нами «Путешествие в Иерусалим» Я. Плетикосы, написанное для монахов-францисканцев, в среде которых отчетливо укоренилась традиция ответственности перед так называемыми «малыми народами».

XIX в. в истории создания травелогов представляет собой совершенно новый период — они пишутся на хорватском языке для хорватского читателя и становятся по-настоящему национальными, представляют своеобразную форму воспитания и, как и вся литература второй и третьей четверти века, способствуют процессу пробуж-

дения национального самосознания образованного слоя хорватов, за которым должен последовать народ. Через литературу священники, политики, чиновники, иногда даже торговцы и ремесленники учат читателя быть хорватом и гражданином, горячо любить и знать родину — это единая задача хорватской словесности того времени (речь идет прежде всего о периоде иллиризма — Национального возрождения). Просвещение простого народа во многом остается главной для создателей травелогов в период реализма вплоть до последней четверти XIX в.

Начиная с 1830-х гг., в эпоху Национального возрождения появляется особый тип путешественника-патриота (*rodoljubni putopisac*), который испытывает искреннюю любовь к родине и веру в свой народ. Этот тип путешественника закрепится в хорватской литературе надолго — вплоть до рубежа веков и эпохи хорватской модерны*. В это время литература путешествия переживает настоящий расцвет, к ней обращаются такие известные писатели, как Иван Трнски («Письмо из Далмации» („Pismo iz Dalmacije“, 1838)), Станко Враз («Путешествие в горные земли» („Put u Gornje strane“, 1843)), Людевит Вукотинович (путевые очерки о Приморье и Лике, Франции и Германии), Матия Мажуранич («Взгляд на Боснию» („Pogled u Bosnu“, 1842)), Иван Франьо Юкич («Путешествие по Боснии в 1843 г.» („Putovanje po Bosni godine 1843.“)), Антун Немчич Гостовинский («Путевые мелочи» („Putositnice“, 1845)), Адольфо Вебер Ткалчевич («Дорога на Плитвице» („Put na Plitvice“, 1860)), Йосип Юрай Штроссмайер («Воспоминания о моем путешествии в Германию и Чехию» („Osvrt na moj putni izlet u Njemačku i Češku“, 1875)), Франьо Рачки («Путевые воспоминания о России» („Putne uspomene o Rusiji“, 1886)), Эуген Кумич («Под прицелом» („Pod puškom“, 1889) и многие другие**.

* Подробнее об этом см. [Pederin, 1985, Ježić 1995, Brešić 1996a, Duda 2012].

** Подробнее см. [Barac 1950, Brešić 1996, Pederin 1979, Horvatić 1996, Krpina 2001].

Среди упомянутых авторов мы встречаем имена выдающихся хорватских писателей своего времени. В их очерках появляются поэтические описания национальной одежды, воспроизводятся живые диалоги с представителями разных слоев общества, вид полей вызывает размышления об их экономическом значении, а вид дорог — о необходимости развития торговли в хорватских землях. Писатель, переводчик и общественный деятель Драгутин Галац в статье «О путешествии» („O putovanju“, 1846), опубликованной в журнале «Даница», так выразил программу хорватского травелога:

«У всех благородных народов имеется прекрасная и старинная склонность: когда достойный молодой человек созреет и придет пора ему взглянуть на мир, то, если уж не может он отправиться в края отдаленные, то пусть, по крайней мере, пройдет родину свою от креста до креста, знакомясь с народными обычаями, жизнью народной, изучая, в какой стороне его отечества какая земля пролегает, какие растения произрастают, какие руды добываются и прочее — таким образом, практическим способом восполнит он то, что в книгах вычитать не смог, или же обогатит свои научные знания и угодит любопытству своему. Если же кто из путешествия такового воротится, пусть передаст людям посредством общественных газет или же в особых книжицах все занимательные детали своего путешествия, исправляя ошибки, могущие быть в старых книгах, или же восполняя то, чего в них не имелось» (Цит. по [Pederin 2007: 48]). (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, перевод наш. — П. К.)

Впрочем, Галац не говорит — да и в силу наличия цензуры не мог сказать — о еще одной важной задаче хорватского травелога эпохи иллиризма, определившей его жанровые черты, а именно о том, что он декларировал программу по собиранию передовых граждан, что было свойственно европейскому путевому очерку эпохи Просвещения. Добавим, что романтические пейзажи в очерках хорватских писателей этого периода отсутствуют

(исключение составляет очерк одного из самых известных хорватских писателей XIX в. А. В. Ткалчевича «Краткое описание длинной дороги»), они остаются достоянием писателей предыдущей эпохи.

Тем не менее, свой очерк «Дорога на Плитвице» А. В. Ткалчевич начинает со следующего рассуждения о необходимости путешествовать:

В необходимости путешествовать уверились люди еще в прошлые века, уверились в ней все и в наше время. Когда, охваченный любовью к своей родине, слепо восхваляешь ты все ее проявления, а народ смеется над твоей к ней излишней приверженностью, тогда отправляйся в иные края, и ты со всей очевидностью убедишься, что не все то золото, что зовется родным. Тогда не только легко и с радостью признаешь ты чужие совершенства, но, гонимый страстной любовью ко всему родному, изо всех сил будешь стараться пересадить их прекрасные цветы в свой сорняком заросшие сады; тем самым, собственное отечество укрепишь и прославишь. [Hrvatski putopis 2002: 137].

Слова известного писателя очень соответствуют духу времени и Национального возрождения, хотя написаны уже не в 1840-е, а в 1860-е годы.

Травелог илиризма, таким образом, утилитарен и ангажирован — вдумчивый образованный читатель часто находит в нем и политическую программу, и видение устройства государства (эти черты будут свойственны хорватской литературе путешествия вплоть до эпохи модерны). В то же время тексты, первоначально однозначно воспринимаемые как публицистика, неуклонно развиваются в сторону художественности, особенно в отношении развития приемов иносказания и техники диалога, когда мысль передается из уст автора в уста персонажа (этому во многом способствовало наличие цензуры). Авторы уже не просто не избегают, но как будто собирают и смакуют легенды о тех или иных местах и событиях — ведь богатство фольклора стало в XIX в. важнейшим фактором возрож-

дения национальных литератур и культур у славянских народов. Их тон далек от спокойно-объективного тональности писателей-реалистов второй половины XIX в., однако эти писатели предвосхитили жажду реалистов создать языковой портрет героя. Многие из них имитируют (как бы цитируют) речь тех, кого они встречают на пути. Яркие примеры можно найти в очерках «Взгляд на Боснию» М. Мажуранича или в травелогах о Боснии начала 1840-х гг. И. Ф. Юкича. Оба автора, передавая речь своих собеседников, вынуждены пояснять в скобках значение многих диалектных слов, турцизмов и т. д. или даже давать пространные сноски, комментируя реалии, непонятные хорватскому читателю*:

A on se stane krstiti i lijevom i desnom, pak kaže: „*Ho, koliko sam išo po trgovini i po vojsci, a još te đavolije nisam vidio; meder u svijetu je marifet (murafet), a mi za ništa ne znamo; he, da ti nisi meni kazao, ja bi bio do smrti pripovijedao da je tu u polju jutro rano nekakav bijes bio došo preda me*”. (Курсив наш. — П. К.)

‘А он стал креститься и левой, и правой рукой, а потом говорит: «Хо-хо, сколь я и по базарам ходил, и среди солдат бывал, а такой чертовщины еще не видывал. (Речь идет о впечатлении, которое произвели на крестьянина черные перчатки рассказчика, которые он по ошибке принимает за настоящую кожу на руках собеседника. — П. К.) Чего только на свете не выдумают, а мы тут ни о чем не знаем! Хе, если б ты мне не сказал, я так бы до смерти своей и болтал, что здесь в поле ранним утречком мне сам бес явился!» [Mažuranić 1958: 180].

И. Ф. Юкич, последовательный либерал, борясь за всеобщее избирательное право и другие права граждан, в своих произведениях через высказывания представителей самых разных социальных слоев общества как будто продемонстрировал будущую модель общественного развития, за что он жестоко поплатился — был обвинен в под-

* У М. Мажуранича и И. Ф. Юкича на 1 страницу текста приходится как минимум 1–2 сноски.

стрекательстве к перевороту и брошен в тюрьму. Другой известнейший общественный и политический деятель — Й. Ю. Штроссмайер спас ему жизнь, добившись освобождения, однако здоровье писателя к тому времени было подорвано, и вскоре после выхода на свободу он умер.

Настоящим «революционером» в области литературы о путешествиях стал Антун Немчич Гостовинский, издавший в 1845 г. «Путевые мелочи» — очерки о северо-востоке Италии, где горизонт читательских ожиданий расширяется самым кардинальным образом. В своем тексте Немчич выступает как гражданин мира, однако одновременно с этим видит собственную миссию в том, чтобы через себя представить миру хорватов. Не скрывает он и еще одну цель — расширить собственный культурный горизонт, посетить разнообразные картинные галереи. Немчич, безусловно, стал хорватским наследником «Сентиментального путешествия» Лоренса Стерна и в череде последователей английского писателя в этом жанре встал в один ряд с Жаном Полем Рихтером, Генрихом Гейне, Готтфридом Келлером и др. Отсюда крайне необычный для хорватского травелога и литературы его глубоко субъективный стиль, наполненный воспоминаниями, хронологическими разрывами, сентиментальной чувствительностью. Немчичу удалось избежать монотонности при описании многочисленных памятников и произведений искусства во многом за счет того, что он не боялся быть необъективным. Дело в том, что Немчич-писатель выделяется на фоне остальных великих хорватов того времени и в целом значительных деятелей славянской культуры периода Национального возрождения удивительной свободой*, живостью, легкостью, тон-

* Писатель всю жизнь служил чиновником в провинции далеко от загребских литературно-художественных дискуссий, вне литературной моды; при этом он считается одним из наиболее одаренных, если не самым одаренным в художественном отношении прозаиком эпохи иллиризма. Современники знали его исключительно как автора путевых заметок и интеллектуальных стихотворений, однако в XX в. на первый план выйдут роман «Удел человеческий» и комедия «Квас без хлеба, или Кто хочет стать великим судьей».

ким юмором и самоиронией, позволившими ему выйти за рамки ограничений и канонов, действовавших в то время в литературе.

Подводя итог, можно сказать, что в первой половине XIX в. с наступлением эпохи иллиризма хорватский путевой очерк переживает подъем и одновременно переосмысливается в рамках новой идеологии Национального возрождения. В нем отсутствуют черты, характерные для европейских путевых очерков, дневников и эссе — нет культа пейзажа, призванного отразить состояние души писателя; вместо этого на хорватской почве жанр решает практические задачи воспитания гражданина, знакомства со всем «хорватским» — со «своими» землями и людьми, с жизнью хорватов за пределами центральной Хорватии. Это знакомство продолжится и во второй половине века, однако уже не будет столь важным, тогда как в 1830–50-х гг. большинство травелогов посвящено именно Боснии и Далмации.

Подобная тематическая направленность травелогов определила их жанровую специфику: факт, деталь, документальность внешне продолжают оставаться на первом плане, но без силы художественного слова писатели уже не могут говорить о главном предмете своего изображения — Родине. Показательным является тот факт, что в это время полностью отсутствуют травелоги, ориентированные на каталогизацию и детальное описание природных и культурных богатств хорватских земель. Таким образом, можно признать, что в хорватской литературе о путешествиях первой половины XIX в. ориентация на художественность и стремление к фактографичности оказываются на равных. Опора на документы и факты, хотя изначально и является определяющей для читателя, судя по всему, перестает быть для него самоценной; не менее важную роль начинает играть художественное измерение травелога, и эта заслуга, безусловно, принадлежит авторам эпохи иллиризма.

Литература

- Barac A.* Putopisi Adolfa Vebera. Zagreb, 1950.
- Brešić V.* Hrvatski putopisi. Zagreb, 1996.
- Brešić V.* Hrvatski putopis ili iskustvo mogućega žanra // Forum. 1996. № 11.
- Brešić V.* Teme novije hrvatske književnosti. Zagreb, 2001.
- D'Agostini M.E.* La letteratura di viaggio: storia e prospettive di un genere letterario. Milano, 1987.
- Duda D.* Priča i putovanje. Hrvatski romantičarski putopis kao pripovjedni žanr. Zagreb, 1998.
- Duda D.* Kultura putovanja. Zagreb, 2012.
- Franić A.* Hrvatski putopisi romantizma. Zadar, 1983.
- Horvatić D.* Pripomene o hrvatskom putopisu // Zrcala zbilje. Zagreb, 1996.
- Hrvatski putopis od XVI. stoljeća do danas: antologijski izbor / Izabrao i priredio D. Horvatić. Zagreb, 2002.
- Ježić S.* Hrvatski putopis. Zagreb, 1995.
- Keleković-Polovina D.* Putopisna proza u modernoj hrvatskoj književnosti (genološko-historiografska studija): Magistarski rad. Zagreb, 1995.
- Krpina Z.* Hrvatski putopis 19. i 20. stoljeća po Italiji: Magistarski rad. Zagreb, 2001.
- Mažuranić M.* Pogled u Bosnu // Djela hrvatskih pisaca. Zagreb, 1958.
- Pederin I.* Hrvatski putopis. Rijeka, 2007.
- Pederin I.* Putopis hrvatske moderne // Marulić. 1985. № 5.
- Pederin I.* Putopis u hrvatskoj književnosti ilirizma i realizma // Književna istorija. 1979. № 14, 11.